

ских, по возможности не удаляясь слишком от оригинала. Во всяком случае, в этих стихотворениях скорее можно было пожертвовать точностью образа, чем певучестью стиха».²⁷ Подобное предпочтение в случае со стихотворением «Bruxelles. Simples fresques. I» привело к известному искажению смысловой доминанты оригинала, но одновременно обеспечило ему свое место в ряду переводческих поисков Сологуба в области фоники, ритмики и лексики.

²⁷ Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. С. 11.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-129-136

© Г. В. Обатнин

К БИОГРАФИИ ВЯЧ. ИВАНОВА: ПОЕЗДКА В ПАЛЕСТИНУ*

В своей статье «Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова» С. С. Аверинцев противопоставил блоковскую «идею пути» и «исток — возврат — затвор» как модель для эволюции творчества Вячеслава Иванова. По мысли ученого, с ней связан ряд поэтических и философских размышлений, волновавших поэта, в частности «обличение» времени (и, добавим, соответственно, воспоминаний) как «ухода от памяти и верности» или сквозная тема «дома», в «укромной тесноте которого» герой поэзии Иванова собирает себя.¹ В этом смысле ивановская вертикаль противопоставит блоковской горизонтали, но этим наблюдениям можно придать и биографическое измерение. Иванов в мемуарных и автобиографических свидетельствах и в самом деле предстает домоседом.² Сошлемся на воспоминания Е. К. Герцык о пребывании писателя с семьей и А. Р. Минцловой у них в гостях летом 1908 года: «Вяч. Иванов никогда не бывал в Крыму, все волновало его здесь отголоском Италии, томило печальным напоминанием: кипарисы под его балконом, доносимые ветерком южные запахи. Но идти по этой новой и не новой ему земле у него не было охоты. Или он уже отходил свое — знаю, что когда-то он излезал даже скалы Корнвалиса над океаном... С трудом удавалось нам и девочкам звать его к морю или знойным утром в виноградник, а куда-нибудь дальше в горы — уж никак не пешком, а только на старенькой тряской нашей линейке».³

Однако уже мемуаристка догадалась, что так было не всегда. Стихотворение «Кочевники Красоты», где декларируется мобильность как сущностное свойство

* Настоящая работа была задумана и сложилась как продолжение трудов Н. В. Котрелева и готовилась как подношение к прошедшему в 2021 году юбилею ныне покойного ученого, успешного дать разрешение на это посвящение.

¹ Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2016. Т. 2. С. 32–34.

² Нам приходилось уже указывать на то, что это важно для понимания стихотворения «Земля», где герой сначала был представлен гражданином-горожанином, чуждым загородным путешествиям и крестьянскому труду (см.: Обатнин Г. В. История текста как метод его анализа: О стихотворении Вяч. Иванова *Земля* // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. Salerno, 2017. С. 227 (Europa Orientalis; vol. 35)). То же можно отследить в статье «Две стихии в современном символизме», где Иванов упоминает «сократовское предпочтение городских прогулок загородным» (Иванов В. И. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб., 2018. Кн. 1. С. 171; Кн. 2. С. 358).

³ Герцык Е. К. Лики и образы. М., 2007. С. 168. В цитате упоминается пребывание супругов Ивановых зимой и весной 1900 года в Северном Корнуоле, морские пейзажи которого отразились в шести последних стихотворениях цикла «Thalassia», на что было указано в авторском примечании к сборнику «Кормчие звезды» (Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 860; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы).

художественных натур, как и многие другие тексты сборника «Прозрачность», создавалось в тесном творческом взаимодействии с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. На это указывает эпиграф из ее до сих пор не опубликованного романа «Пламенники», а «кочевье красоты» упоминается в ее рецензии на А. Жида, что отмечал уже Р. Е. Помирчий.⁴ Фигура художника-кочевника согласуется с тем житейским обликом писательницы, каким мы его знаем по мемуарам (порывистая, стремительная, воодушевляющаяся), и со скитальческим стилем ее жизни (пусть отчасти и вынужденным) до знакомства с Ивановым. Добавим, что он в то время тоже имел вкус к путешествиям. Об этом свидетельствуют, например, его письма к первой жене Д. В. Дмитриевской, многие из которых содержат конкретные указания, где и что посмотреть в Европе и какими путешественниками лучше пользоваться.⁵

Ситуация изменилась после поездки в Палестину на Пасху 1901 года, где с Ивановым приключилось несчастье. Вот как об этом вспоминала дочь писателей: «Мама обожала лошадей и была прекрасной амазонкой. Во время их путешествия в Палестину они с Вячеславом совершали какой-то длинный поход по пустыне. Ехали верхом с арабскими проводниками. Лошадь под Вячеславом была с норовом и сбросила его. Он упал, сильно поранил о скалу голову, и они оказались в очень тяжком положении посреди пустыни. У Вячеслава осталась на всю жизнь страх к верховой езде».⁶ Эта на первый взгляд туристическая поездка заслужила упоминания Ивановым и в «Автобиографическом письме», тем самым войдя в число незабываемых фактов его жизни: «Из Афин мы ездили с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал на пасху в Палестину и посетили по пути Александрию и Каир. После этой поездки я заболел в Афинах тифом в столь длительной и опасной форме, что врачи почти уже отчаивались в моем выздоровлении» (II, 21).

Иванов скупко допускал в стихи личные воспоминания и даже обосновал это во «вступлении» в поэму «Деревья» (1917). Однако, как показал Н. В. Котрелев, поездка в Палестину отразилась в его творчестве в трех поэтических текстах: «Атика и Галилея» (опубл. в 1905),⁷ «Яффа» («Распрыгались у пироскафа...») и «Фламинго» («Плоской чашей, розовой по краю...»). Основываясь на письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к И. М. Гревсу от 23 августа 1901 года, ученый продемонстрировал, что первое из них, насыщенное топонимами двух стран и эпikleзами Афины и Девы Марии, предстает как отражение впечатлений и размышлений от поездки.⁸ Два других стихотворения были названы им в комментариях к публикации самого этого письма, написанного уже по возвращении в Грецию и повествующего о деталях двухнедельного пребывания в Палестине и Египте, где Ивановы проникали внутрь пирамиды Хеопса. Это пребывание не всегда было комфортным: кроме падения с лошади, Зиновьева упоминает о плохих условиях жизни, а также о том же «страшном южном тифе», который овладел Ивановым по возвращении и продлился больше 45 дней.⁹

⁴ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. Трагедия: [В 2 кн.]. СПб., 1995. Кн. 2. С. 290 (Новая Библиотека поэта. Большая сер.).

⁵ См. также выдержки из дневника Дмитриевской об их совместном путешествии по Сицилии в 1892 году: «Серебряный век» в волшебной стране: заметки и дневники / Публ. Н. В. Котрелева // Русская Сицилия. La Sicilia dei Russi / Науч. ред. и сост. М. Талалай. М., 2013. С. 181–185.

⁶ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 29. Отъезд в Палестину она мельком упоминает и выше, и это, возможно, отражает детскую психологическую травму от многодневных отсутствий родителей.

⁷ Фрагмент чернового автографа «Атики и Галилея», хранящийся в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 607. № 5), демонстрирует, что первоначально графической разбивки стихов на колонки не было, зато четверостишия были пронумерованы (автограф состоит из последних трех четверостиший, 10, 11 и 12, что соответствует окончательному тексту).

⁸ См.: Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов. «Атика и Галилея» (из материалов к комментариям на корпус лирики) // Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 397–404. Впечатлившей супругов горой «Кармил. Май. 1901» помечено неопубликованное предисловие к «Кормчим звездам» (Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 35).

⁹ История и поэзия. Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. С. 232–235.

Стихотворение «Яффа», которое в первой публикации в альманахе «Гюлистан» называлось «Воспоминание о Яффе», описывает высадку в этом городе с корабля при сильном волнении на море и не только находит прямое соответствие в письме Зиновьевой-Аннибал («перелетели благополучно через зиявшие камни»), но содержит и дополнительное воспоминание:

А ближний челн (пророков души
Не все, знать, кормщик помянул),
Отдав пловцов живыми суше,
С почтовым грузом утонул.

(III, 506)

Третье стихотворение, в котором отразилась поездка в Палестину, при повторной публикации в «Свете вечернем» получило название «Фламинго», а впервые появилось в майском–июньском номере журнала «Северные записки» с датой под текстом 24 января 1915 года, которую Иванов сохранил и в сборнике. Это тоже путевая зарисовка,¹⁰ воспоминание о Ниле с его лотосами и фламинго («Этих красок юность помнят взоры...»), которые и дали возможность гораздо позже посвятить стихотворение О. А. Шор и поменять заглавие.¹¹ Беловой автограф «Яффы», хранящийся в Римском архиве поэта, имеет дату «На 9 марта»,¹² т. е., как уже отметил Н. В. Котрелев, написано приблизительно в то же время, что и «Фламинго». Дополнительно подтверждает эту близость тот факт, что карандашный законченный черновик этого текста из Пушкинского Дома датирован 9 января, причем название месяца зачеркнуто и исправлено на март.¹³ Таким образом, поэт в январе 1915 года сначала написал «Яффу», потом «Фламинго» (кстати, в «Свете вечернем» они идут один за другим именно в таком порядке), а в марте вернулся к первому тексту и переделал его, поставив новую дату.

Тетрадь с автографами из Римского архива, где записана «Яффа», дает нам возможность восстановить текстовое окружение этого последнего варианта. Он помещается между стихотворениями «Хвала» (8 марта) и «Перемышьль» (10 марта), далее идет «Чаша Св. Софии» («Расступились древле чудом стены...») с датой «На 11 марта» и созданный на следующий день «Афродита Всенародная» («Афродита Всенародная и Афродита Небесная»). Это все серьезные, даже идейные произведения, но 13 марта Иванов пишет еще одно «легкое» стихотворение в духе «Яффы» — «Ветер, пахнущий снегом и цветами...».¹⁴ Под названием «Дельфины» оно на следующий год будет

¹⁰ Что было отмечено и Р. Е. Помирчим, правда, на год ошибившимся в дате поездки (*Иванов В. И.* Стихотворения и поэмы. С. 339).

¹¹ Тот факт, что Иванов дал мемориальному стихотворению заглавие по домашнему прозвищу последней соратницы, включает ее в интимную историю семьи. Напомним, что в XI и XII сонетах из цикла «Золотые завесы» (1907) их адресат, М. В. Сабашникова, «припоминается» герою тоже как инкарнация египетских персонажей (II, 389–390).

¹² РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Папка 3. Л. 5 об. Его в отсканированном виде можно посмотреть по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p03/op1-k05-p03-f05v.jpg>; дата обращения: 29.07.2021. Кроме того, здесь же хранится датированный просто 1915 годом беловой автограф чернилами под заглавием «Воспоминание о Яффе» с посвящением «памяти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал» (Там же. Карт. 1. Папка 4. Л. 62; см.: http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p04-1915/op1-k01-p04-f62_vospominaniya_o_yaffe.jpg; дата обращения: 29.07.2021). См. также тщательно переписанный (наборный?) недатированный автограф под тем же заглавием, но уже без посвящения: Там же. Л. 63; http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p04-1915/op1-k01-p04-f63_vospominaniya_o_yaffe.jpg; дата обращения: 29.07.2021. Для полноты упомянем также две машинописные копии текста, сделанные, очевидно, в процессе подготовки сборника «Свет вечерний».

¹³ ИРЛИ. Ф. 607. № 49; см.: <http://ro.pushkinskijdom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx8nMyMbM2Z6Li43Czs/Ix8fZjJqNlp6Tws3ZmI2Qio/CztlmIi5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021.

¹⁴ Беловой автограф с правкой без заглавия из Римского архива: РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Папка 3. Л. 8; см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p03/op1-k05-p03-f08.jpg>; дата обращения: 29.07.2021. Карандашный черновик «Дельфинов» (полный текст), хранящийся

опубликовано в сборнике «Полон» и под ним же войдет в «Свет вечерний». ¹⁵ Однако прежде чем перейти к его анализу, исправим накопившиеся последствия его ошибочной датировки.

Дело в том, что в третьем томе брюссельского собрания в составе «Света вечернего» была указана неверная дата его написания, 1913 год (а также неверное место первой публикации; III, 825), которая перешла и в издание в серии «Библиотека поэта». ¹⁶ Первая строка стихотворения представляет собой цитату из путевого очерка А. Н. Толстого «Письма с пути», фрагмент из которого был помещен в качестве эпитафии к тексту. Еще одним транслятором ошибки стало Собрание сочинений К. И. Чуковского, где в мемуарном очерке критика о Толстом к фразе с упоминанием, что писатель призывал только влияние на него Вячеслава Иванова, Е. Ц. Чуковской было сделано примечание, начинавшееся фразой «В 1913 году Вячеслав Иванов написал стихотворение „Дельфины“ под непосредственным влиянием А. Н. Толстого...». Чтобы объяснить внутренние причины появления ивановского стихотворения именно в том году, Чуковская предположила, что «оно написано вскоре после того, как в журнале „Черное и белое“ Толстой напечатал эпиграмму на Вяч. Иванова (1912, № 2)», и так возникла традиция ложного истолкования. ¹⁷ В книге Е. Д. Толстой «Ключи счастья» это примечание частично процитировано, частично пересказано, предположение Чуковской в том числе. ¹⁸ Стихотворный размер «Дельфинов» привлек внимание В. А. Плунгяна, который квалифицировал его как «редкий в русской поэзии тип логаяда, состоящего из сочетания трехсложных и четырехсложных стоп». ¹⁹ По мнению стиховеда, полагавшегося на датировку брюссельского собрания, непосредственным предшественником Иванова была только А. К. Герцык, «более многочисленные образцы этого метра, принадлежащие Парнок, Цветаевой и Георгию Иванову, появляются только в 1915–1920 годах», кроме того, «начиная с 1915 года Меркурьева создает более 10 тонических стихотворений, написанных такими комбинациями стоп», а влияние на нее Иванова «общеизвестно». ²⁰ Однако очевидно, что при правильной датировке в этой цепочке «влияний» Иванов занимает далеко не такое существенное место.

Серия кавказских военных очерков Толстого «Письма с пути» публиковалась в «Русских ведомостях» целый месяц, с 15 февраля по 15 марта 1915 года, так что Иванов прочел вдохновившую его цитату именно в газете. ²¹ Ветер, пахнущий разными цветами — то лавровишни, то фиалок, а также туманом, в очерках упоминается не раз, однако поэт выбирает именно проходной, описательный фрагмент, посвященный поездке на пароходе с выпрыгивающими дельфинами и «ветром, пахнущим снегом и цветами». ²² Соблазнительно было бы предположить, что фраза могла привлечь вни-

в Пушкинском Доме, не датирован (ИРЛИ. Ф. 607. № 10; см.: <http://ro.pushkinskijdom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx87Jyc7J2Z6Li43Czs/lx8fZjJqNlp6Tws3ZmI2Qio/Cztmli5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021).

¹⁵ См. также в авторском библиографическом списке: «Дельфины — Сборник о пленных» (РГБ. Ф. 109. Карт. 5. № 59).

¹⁶ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. С. 339.

¹⁷ Чуковский К. И. Алексей Толстой // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001. Т. 5. С. 261.

¹⁸ Толстая Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 187–188.

¹⁹ Любопытно, что наборный автограф этого стихотворения, хранящийся в Римском архиве, снабжен сделанной карандашом под текстом ритмической схемой строфы (РАИ. Оп. 1. Карт. 1. Папка 2. Л. 17, см.: http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p02-1913/op1-k01-p02-f17_deljfnu.jpg; дата обращения: 29.07.2021).

²⁰ Плунгян В. А. Тонический стих Вячеслава Иванова: К постановке проблемы // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 300.

²¹ В номере, вышедшем за два дня до создания им стихотворения: Толстой А. Письма с пути. Письмо XXIII // Русские ведомости. 1915. 11 марта. № 57. С. 2; см. также: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 3. С. 485 (комм.).

²² Полная цитата выглядит так (курсивом выделен фрагмент, поставленный эпитафией): «Перед нами далеко в море уходила желтая полоса пресных вод. Когда мы вошли в нее, в снастях и реях зазвистел ветер, пахнущий снегом и цветами; он с силой вылетал на свободу из тесного ущелья. Из желтоватой воды, из-под самого парового носа, стали выпрыгивать проворные

мание поэта по ассоциации с давним своим путешествием до Яффы, о котором он три дня назад написал стихотворение, если бы не одно обстоятельство. Тот же самый образ «цветного ветра», веющего с материка на море, появляется в юношеской поэме Иванова «Ars mystica» (1889) в качестве весьма знаменательной аллегии. Закончив рассуждение о ценности традиционных форм искусства, которым Иванов объяснял свой выбор горацанской стихотворной эпистолы (и, добавим, александрийского стиха), поэт переходил к архитектуре:

Как мощный пыл отцов, нам чужд их идеал;
А наших дум предмет случаен, странен, мал.
Не лучше, коль устав в блуждании беззаконном,
Копируем отцов с вниманием благосклонным.
Примером — зодчество. Был век: внезапный луч
Рассеял ночи сон; забил замерший ключ
Античной красоты; из призрачного плена
В палаты Фауста вселилася Елена;
Пахнуло сладостно дыханием богов:
Так быстрый вестник — ветер с покинутых берегов
Догнав родных пловцов в морской пустыне дальней
Льет цветочный дух — земли привет прощальный.²³

Внимание к фразе из очерка Толстого определенно носит мнемонический смысл, хотя бы как воспоминание о своем собственном тексте, и этому не мешает появление того же образа у А. А. Фета в описании поэтического вдохновения (1887):

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учюять ветер с цветущих берегов...²⁴

Так оказываются связанными темы воспоминания, художника и передачи традиции в искусстве. Поэтому обратим внимание на то, как построено стихотворение

водяные жители — дельфины; крутым побегом они выскальзывали на воздух, опустив хвост, описывали дугу и вновь погружались без всплеска» (Там же. С. 135). О посещении А. Н. Толстым квартиры Ивановых на Зубовском рассказывал В. Ф. Эрн в письме своей жене от 24 марта 1915 года: «На первый день Пасхи был „Алешка“. Прочел вслух свой рассказ из „Рус<ских> Вед<омостей>“, сидел долго, заговорился. Мы с Вяч<еславом> его похвалили, и он был очень доволен» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 634; Пасха в 1915 году приходилась на 22 марта, очевидно, имеется в виду военный рассказ Толстого «На горе»: Русские ведомости. 1915. 22 марта. № 67. С. 2). Из тех же писем известно, что Толстой планировал принять участие и в домашнем журнале «Бульвар и переулок». Напомним, что в мае 1915 года В. К. Шварсалон с Димой поехала на отдых к Эрнам в Анапу, а на следующую весну Ивановы почти на полтора года оставят Москву ради Кавказа.

²³ Иванов В. *Ars mystica*. Послание (к А. М. Д-скому) / Подг. текста Е. Глухой, С. Титаренко; комм., приложения С. Титаренко // Символ. 2008. № 53–54. С. 44 (см. также: ИРЛИ. Ф. 607. № 1. Л. 2). Воспользуемся случаем, чтобы указать на еще один фрагмент автографа поэмы: запись на отдельном листе финального стиха одной из строф, но латиницей, снабженной диакритикой, как в некоторых западнославянских языках: «K Favógu vosklicâl: o Hóspodi, dokóle?». Так же записана строка из другого места поэмы (с. 51 по публикации Титаренко–Глухой) и, наконец, в той же записи первые четыре стиха процитированного выше отрывка, причем в ином порядке. Ниже, но уже кириллицей и в строку приведена финальная строфа поэмы («Прости, на все призывь я призываю твой суд...»); ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 67). Стоит добавить, что на обороте листа находится один из фрагментов замысла поэмы «Матери», также связанного с «Фаустом» Гете.

²⁴ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 34–35. Отметим, что в стихотворении А. де Мюссе «Impromptu en réponse a cette question: Qu'est-ce que la poésie?», которое считается возможным претекстом для фетовского (см. об этом в комментарии Б. Я. Бухштаба на с. 690), этого образа нет.

«Дельфины». Оно композиционно закольцовано, так как первый и последний стих повторяются дословно, а третий и одиннадцатый частично («Вырываясь из узкого ущелья» — «С силой, рвущейся в устье из ущелья»):

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и ряях,
Вырываясь из узкого ущелья
На раздолье лазоревой равнины.

Как Тритон, протрубил он клич веселья,
Вздых весенний кавказского Борея,
Вам, курносые, скользкие дельфины,
Плясуны с крутогорбыми хребтами.

На гостины скликал вас, на веснины,
Стеклоокого табуны Неряя,
С силой рвущийся в устье из ущелья
Ветер, пахнувший снегом и цветами.

(III, 503–504)

Закольцована и строка «На гостины скликал, на веснины», так как в ней начало рифмуется с концом (Брюсов называл такую рифмовку «серпантинном»). Кроме того, эти три четверостишия написаны на четыре рифмы, причем рифмовка первого и последнего четверостиший почти зеркально повторяют друг друга (абвг вбга гбва).²⁵ Это создает у читателя впечатление твердой стихотворной формы, как правило, построенной на повторении рифм и строк. То же можно сказать и про восьмистишие «Фламинго»:

Плоской чашей, розовой по краю,
Лотос белый зыблется над Нилом,
И чертят фламинго в синем небе
Дуги света розовой Авроры.

Этих красок юность помнят взоры.
Мать-Земля себя подобной Гебе
Видит в них, как в зеркале застылом,
Обрученной суженому Раю.

(III, 507)

Уподобление Земли богине юности, «ветреной» Гебе, дочери Зевса и Геры, жены Геракла, виночерпию на пирах богов, отстраненной за оплошность, описанную в известном стихотворении Тютчева, вводит мотив суженой (невесты). При этом зеркало нильских вод, на котором она гадает о женихе, графически обозначено формой, где верхнее четверостишие как бы отражается в нижнем (в журнальной публикации оно было напечатано с отступом), что поддерживается симметричностью рифмовки (абвг гбва).²⁶

²⁵ Сохранился также черновой автограф чернилами второй, центральной строфы: «Звал Тритон вас, дельфины, на веселье / В трубах вешних кавказского Борея» и т. д. (ИРЛИ. Ф. 607. № 50. Л. 1 об.; см. также: <http://ro.pushkinskiydom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx8nLysnJ2Z6Li43Czs/Ix8fZjJqNlp6TwszZmI2Qio/CztmIi5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021). Возможно, она пришла к поэту первой, и тогда остальные четверостишия как бы ее обрамляют.

²⁶ Поиски прецедентов подобной композиции привели нас к учебнику А. А. Илюшина «Русское стихосложение», где об А. Кантемире сказано следующее: «Вообще же он любил экспериментировать именно с восьмистишиями. В одном из них встречается редкостная комбинация рифм — двустипие парной рифмовки окружено тремя концентрическими поясами рифм: АБВГ-ГВБА. Казалось бы, все это можно расценивать как подступ Кантемира к выработке своего варианта октавы. Но до реализации этого варианта дело не дошло» (Илюшин А. А. Русское стихо-

Очевидно, что зимой–весной 1915 года на Иванова нахлынули воспоминания о поездке в Палестину, и это составляет личный, биографический аспект его размышлений о поэтическом искусстве того времени.²⁷ Их задачи были обозначены уже в декабре 1914 года в стихотворении «Мемнон», а в январе написано стихотворение «Превращение» («Поэт» в «Свете вечернем»), и в марте — «Весенние ветви души» («Поэзия»), которые войдут в цикл «Лебединая память», опубликованный в августовском номере «Русской мысли». Творческий подъем поэта радовал жившего в ту пору в его квартире В. Эрн, который сообщал жене в Тифлис 25 января, т. е. на следующий день после написания «Фламинго»: «Мы живем очень дружно. Вяч. Иванович каждый день читает новые стихи. Каждую ночь рождает их. У него образуется чудесный цикл эфирных стихов, изумительно нежных и тонких».²⁸ Первая строфа «Яффы» под-сказывает включить в сферу этого мемориального импульса еще один текст:

Распрыгались у пироскафа
Лады арабские. Бедой
Ревнивая грозила Яффа
За обуруненной грядой.

(III, 506)

Думается, поэт знал устаревшее, греческое по своей внутренней форме, слово *ругоссархе*, которым во времена Пушкина обозначали первые пароходы, однако с не меньшей уверенностью можно говорить о знакомстве его с предсмертным стихотворением Е. Баратынского «Пироскаф», где также описано морское путешествие.²⁹ Кстати, его герой плывет в Ливорно, город, где Иванов и В. К. Шварсалон в 1913 году сочетались браком. Поэтому кажется примечательным, что 5 февраля 1915 года, т. е. между первым и вторым вариантами «Яффы», Иванов создает стихотворение «Перед портретом Баратынского»,³⁰ где называет его «сновидцем Мнемозины» (IV, 32).³¹

Если бы Вячеслав Иванов был полководцем или государственным деятелем, история его деяний была бы интересна сама по себе и, по сложившейся уже в древности

сложение. М., 2004. С. 127). Однако кроме признательного ответа Прокоповичу, Кантемир всего лишь несколько раз воспользовался восьмистишиями, например, в басне «Огонь и восковой болван» и эпиграммах «На самолюбца» и «На Езопа», но описанной рифмовки там нет. Приношу свою благодарность С. И. Николаеву за помощь в поисках.

²⁷ Добавим, что имя Зиновьевой-Аннибал, чей портрет и так стоял на его рабочем столе, возникло в письме Бердяева к Иванову от 30 января, в котором философ, имея в виду патристическую позицию Иванова, упрекал его в измене «заветам свободолюбия Лидии Дмитриевны» (Взыскующие града. С. 616). Обратим также внимание на то, что именно в это время судьба «подарила» ему еще один повод для будущих воспоминаний — смерть А. Н. Скрябина в середине апреля 1915 года (см. стихотворение «Воспоминание о А. Н. Скрябине»; III, 531–532).

²⁸ Взыскующие града. С. 612. Ср. начало стихотворения «Превращение» («Поэт»): «Золотые письма / Книги Голубиной: / Волн эфирных глубина...» (цитируем вариант первой публикации: III, 821).

²⁹ Приходит на ум, что церковнославянизм «емлет» (достаточно регулярный для поэзии XVIII века), который Иванов использовал в своей балладе «Суд огня» (II, 245), а до того попробовал в стихотворении «Speculum Dianae» (I, 619), он взял именно из «Пироскафа».

³⁰ В плане неосуществленного сборника стихов, составленном не ранее 1915 года, интересующие нас тексты разнесены по разным разделам. Всего их было четыре: «Лира», «Ось», «Колесницы» и «Кошница». «Плоской чашей, розовой по краю...» вошло во второй, серьезный, отдел, а «Ветер, пахнущий снегом и цветами», «Яффа» и «К портрету Баратынского» — в последний, объединяющий стихи «на случай», оба стихотворения «Памяти Скрябина» в том числе (РГБ. Ф. 109. Карт. 2. № 71. Л. 1 об. — 2).

³¹ На близость этого определения и характеристики «мелодии» Баратынского в статье Иванова «Заветы символизма» (1910) как «голоса темной памяти о каком-то давнем живом знании» (II, 597) обратила внимание М. Гельфонд (*Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. [М.], 2012. С. 61). Ю. Анохина в этой связи говорит о (сно)видении как важном мотиве для поэзии Баратынского и памяти как ее «ценностной доминанте» (*Anokhina Yu. Yu.* «Snovidets Mnemosyne»: dreaming of Mnemosyne: Evgeny Boratynsky's poetry in Vyacheslav Ivanov's aesthetics // *Studies in East European Thought.* 2020. Vol. 72. P. 285–286).

традиции, заслуживала бы запечатления. Однако «слова поэта суть уже его дела», и факты жизненного пути интересуют нас как повод и условие для появления литературных произведений. Иванов оставил несколько автобиографических текстов в прозе и стихах, но и немало сентенций и размышлений на эти темы. Но именно художественные тексты порой могут нам указать на действительно важные события жизни писателя.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-136-148

© Е. И. Мирошниченко, © Д. П. Фоменко

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО В ТЕКСТАХ ГРУППЫ «41°»

История футуризма развивалась, как известно, стремительно и к 1919 году достигла апогея в творчестве представителей группы «41°»: А. Крученых, И. Зданевича и И. Терентьева. Местом действия этой, как считается, «самой радикальной авангардистской группировки»¹ был город Тбилиси, являвшийся в то время мультикультурным центром уникального творческого взаимодействия художников и поэтов.²

В 1916 году Крученых, переехавший тогда в Грузию, развивает теорию заумного языка и налаживает сотрудничество с братьями Зданевичами, Ильей и Кириллом. Первым совместным проектом будущих представителей тифлисского авангарда было издание весной 1917 года сборника «Учитесь худоги», оформлением которого занимались художники К. Зданевич и С. Валишевский. Стихотворение последнего, открывавшее сборник, можно назвать программным:³

Кушай, худоги,
говядину
Рубенса —
Заедай булкой
Сезана!
Осторожно,
Не обжирайся,
Сыт
Не
Будешь!

Как интерпретирует это стихотворение Т. Л. Никольская, «говядина Рубенса» — это метафора близости к народному примитиву, а «булка Сезана» намекает на кубистские истоки.⁴ К этому мы бы добавили, что здесь, в отличие от других текстов сборника, употреблено только одно заумное слово — «худоги», вероятно, с целью сделать на нем акцент. Таким образом, уже в самом начале мы видим указание на визуальность, демонстрируемое ссылками на художников. Рассмотрим, как стремление к визуализации стало основой для творчества всей группы.

¹ Такое определение дала группе Т. Никольская (см.: *Никольская Т. Фантастический город*. М., 2005. С. 57).

² Бела Ципуриа пишет, что это был уникальный период взаимодействия между грузинскими, русскими, армянскими и польскими авангардистами (см.: *Tsipuria B. H₂SO₄. The Futurist Experience in Georgia // International Yearbook of Futurism Studies*. 2011. Vol. 1. Part 1. P. 307).

³ *Никольская Т. Фантастический город*. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.